

The doctrine of interest as an object of criminal law protection: the experience of a retrospective analysis

M. A. Glazyrin¹

¹Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-660-669

Research article

Full text in Russian

The article is devoted to the development of the idea of interest in criminal law through the prism of historical and doctrinal analysis. The purpose of the work is to identify the significance of interest as an independent category and to determine the prospects for its further study in the framework of Russian criminal law. The historical aspects of the formation of the category of «interest» are considered, starting with the works of the classics of the 19th century and ending with modern research. Special attention is paid to the role of interest in the structure of criminal law regulation.

Keywords: interest; object of crime; social relations; criminal law doctrine

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Glazyrin, Maxim A.	E-mail: maxim.glazyrin2000@yandex.ru
	Postgraduate

Учение об интересе как объекте уголовно-правовой охраны: опыт ретроспективного анализа

М. А. Глазырин¹

¹УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-660-669

УДК 343.23

Научная статья

Полный текст на русском языке

Статья посвящена вопросам развития идеи интереса в уголовном праве через призму историко-доктринального анализа. Цель работы — выявить значение интереса как самостоятельной категории и определить перспективы его дальнейшего изучения в рамках российского уголовного права. Рассматриваются исторические аспекты формирования категории «интерес», начиная с трудов классиков XIX века и заканчивая современными исследованиями. Особое внимание уделяется роли интереса в структуре уголовно-правовой охраны ученого в современных условиях.

Ключевые слова: интерес; объект уголовно-правовой охраны; общественные отношения; уголовно-правовая доктрина

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазырин, Максим Алексеевич

Е-mail: maxim.glazyrin2000@yandex.ru

Аспирант кафедры уголовного права
имени М. И. Ковалева

Право, будучи одной из форм воздействия на общественные отношения, не является абсолютно обособленной сферой человеческой деятельности с присущим сугубо ей понятийным аппаратом. Зачастую правоведы вынуждены в целях обеспечения эффективной законотворческой и правоприменительной практики обращаться к категориальному аппарату, присущему целому ряду социальных наук, а нередко и вовсе представляющему собой фундаментальную философскую абстракцию. То же касается и юридической науки. Справедливо замечание И. Я. Козаченко: «Для более глубокого и качественного усвоения теоретико-практических проблем юридических наук целесообразно знать историю становления (возник-

новения и развития) соответствующих правовых явлений и категорий» [1, с. 4]. В частности, активное использование в уголовном праве приобрела категория «интерес». В настоящее время текст действующего УК РФ содержит 79 упоминаний данной категории. Вместе с тем употребление термина «интерес» не может объясняться лишь деятельностью разработчиков УК РФ: уголовно-правовое учение об интересе имеет достаточно длительную – полуторавековую – историю.

Стоит отметить, что само по себе происхождение интереса в дореволюционном уголовном праве не является находкой наших ученых. Дело в том, что значительное влияние на развитие правовой мысли в России оказали немецкие философы и криминалисты. Их дискуссии и привели к появлению таких концепций объекта, как «правовая норма», «правоохранный или жизненный интерес», «общественная и государственная польза», «физическое или юридическое лице(о?)» и ряд других [2, с. 126].

Впервые об интересе в науке российского уголовного права начал писать Н. С. Таганцев. В своей классической работе «Русское уголовное право» классик пишет: «...Интересом может быть не только все то, что служит к удовлетворению потребностей, но и то, что дает возможность, облегчает, а иногда устраняет или затрудняет их удовлетворение и т. п» [3, с. 36]. В свою очередь, преступное деяние, с точки зрения автора, представляет собой посягательство на правоохраняемые интересы жизни [3, с. 204]. Отнесение исследователя к представителям нормативистов, обусловленное позицией, согласно которой объектом преступного посягательства служит норма права («заповедь»), не перечеркивает того факта, что в науке уголовного права Таганцев первым обратил внимание на содержание объекта как жизненного интереса. При этом подлежащий уголовно-правовой охране интерес касается обеспечения защиты интересов иных субъектов права, не распространяясь (как и правовое регулирование) на модель субъектно-объектного воздействия.

Другой классик уголовно-правовой науки XIX века, Н. Д. Сергеевский, отмечает, что преступное деяние возможно только в отношении другого человека или общества, ввиду чего объект посягательства является двусоставным: с одной стороны, какое-либо конкретное благо («непосредственный предмет преступного посягательства»), с другой стороны, отвлеченные интересы общества, выраженные в нарушении предписаний позитивного законодательства [4, с. 230]. Несмотря на то что автор фактически является сторонником концепции «объект – благо», он упоминает интерес как одну из двух составляющих объекта преступного посягательства. В такой трактовке убийство человека наносит вред не только жизни потерпевшего,

но и социальным интересам: государство лишается налогоплательщика, общество лишается работника, дети лишаются родителя и т. д.

В советский период времени идея интереса приобрела идеологическое содержание: защита интересов трудящихся, рабочего класса была одной из первейших задач и упоминалась как в законодательных (Конституция 1936 года, КЗоТ СССР и т. д.), так и в партийных актах. В уголовном же законодательстве упоминание категории «интерес» нарастало в процессе развития советского государства: так, в УК РСФСР 1922 года интерес упоминается 6 раз, в УК РСФСР 1926 года – 12 раз. В УК РСФСР 1960 года стоит упомянуть две редакции: первая – на момент прекращения существования СССР (в данной редакции «интересы» упоминаются 17 раз), вторая редакция – по состоянию на 31.12.1996 года (20 упоминаний). Увеличение количества упоминания интересов в советском уголовном законодательстве можно объяснить развитием законодательной техники, усовершенствованием построения уголовно-правовых норм и усилением уголовно-правовой охраны ключевых социалистических ценностей. Однако интерпретация категории «интерес» требовала научно обоснованного подхода, ввиду чего обратимся к советской уголовно-правовой доктрине.

Советская уголовно-правовая наука признавала в качестве господствующей теории модель «объект преступления – общественные отношения» [5, с. 101; 6, с. 56–57]. Однако даже строгие последователи данной модели в своих исследованиях, характеризуя объект преступления как общественные отношения, были вынуждены говорить о преступном деянии как посягательстве на определенный интерес. В частности, Б. С. Никифоров, который в советской уголовно-правовой науке является основоположником подхода «объект преступления – общественные отношения», при иллюстрировании своих суждений об объекте преступления прибегает к примерам посягательств на интересы советской торговли [7, с. 29]. Более того, совершенно справедливо отмечено самим исследователем, что «наличие у участника общественных отношений разнообразных, а ввиду этого качественно отличающихся друг от друга интересов» является основанием для законодательной дифференциации текста Особенной части уголовного закона на разделы [7, с. 53]. Таким образом, в основе концепции, предложенной Б. С. Никифоровым, интерес и общественное отношение не разграничиваются как уголовно-правовые категории, а используются как синонимы, что, в сущности, неверно. Интерес представляет собой отношение субъекта права (обладателя блага) к имеющему правовую ценность благу, нацеленному на удовлетворение стремления обладателя блага на обеспечение адекватных условий существования и благополучия обладателя блага и поставленное законодателем под охрану

уголовным законом. В этой связи мы соглашаемся с позицией Е. А. Фролова: «Когда мы говорим о необходимости охраны какого-либо общественного отношения, это означает необходимость обеспечения определенного социального интереса индивидуального или общественного...» [8, с. 198]. Интерес в данном случае не замещается общественными отношениями, напротив, общественные отношения в таком случае выступают внешней оболочкой интереса как целенаправленного соединения воли и сознания субъекта отношений относительно какого-либо блага вкупе с аналогичными воззрениями других субъектов отношений. Стоит отметить, что реализация интереса имеет социальную направленность (что отличает интерес от потребностей, реализуемых самим субъектом и не требующих в качестве обязательного условия вовлечения человека в общественные отношения) и вне общества, по справедливому выражению Н. А. Шайкенова, невозможна [9, с. 88].

Вместе с тем существовали и иные концепции интереса как объекта преступления. Так, Е. К. Каиржанов в качестве объекта преступления называл интерес как конкретное проявление, выражение общественных отношений [10, с. 56]. Интерес в данном случае выступает в качестве сложно-структурированного явления, охватывающего собой три элемента:

- благо (ценность) само по себе, наделенное законодателем определенной степенью ценности. Конкретное определение степени ценности блага увязывается с общественной опасностью преступления и позволяет его отграничить от такой характеристики административного правонарушения (как наиболее близкого в сфере публично-правовой ответственности правонарушения) как общественная вредность;

- субъекта как носителя блага;

- отношение блага (ценности) к своему носителю, выраженное в принадлежности интереса тому или иному субъекту [10, с. 47].

Если благо как элемент интереса не вызывает каких-либо вопросов, то выделение двух последних элементов в теории содержит, несмотря на общую логичность и верность, определенные изъяны.

Говоря о субъекте как носителе блага, исследователь упоминает его в единичном числе. Фактически в таком случае внешнее выражение общественных отношений исключает иных субъектов указанных отношений. Субъект остается наедине с благом, в их взаимосвязи, а этот тезис фактически вступает в противоречие с тем фактом, что право не регулирует отношения «субъект – объект». Поэтому говорить о том, что интерес есть выражение общественных отношений, не представляется корректным. Однако не согласимся и с В. К. Глистиным, отмечавшим, что установление Е. К. Каиржановым субординации понятий «общественное отношение»

и «интерес» не увенчалось успехом [11, с. 65–66]. Идея о взаимосвязи общественных отношений и интереса оказалась продуктивной, однако интерес предшествует появлению конкретных общественных отношений, выступает их предпосылкой, а не следует за таковыми.

Относительно третьего элемента интереса стоит отметить, что объект права (будь то благо или ценность) не может выражать отношение к субъекту; напротив, именно субъекту права принадлежит возможность признавать или отвергать принадлежность ему конкретного блага. Данное отношение следует охарактеризовать как особую и неразрывную связь, на которую посягает преступное деяние. Преступник, совершающий преступное деяние, фактически воспрепятствует носителю блага в его использовании: так, при убийстве прерывается связь между личностью и её жизнью, при хищении прерывается владение конкретным имуществом со стороны собственника или иного законного владельца. Таким образом, корректнее говорить об отношении субъекта (потерпевшего) к обладаемому благу (предмету преступления). Интерес в таком случае есть правовая связь лица и блага.

Обратимся также к трудам Н. И. Коржанского. Несмотря на то обстоятельство, что ученый являлся последовательным сторонником теории «объект преступления – общественные отношения», он проанализировал природу интереса в механизме уголовно-правовой охраны. Социальное взаимодействие, построение общественных отношений является формой реализации человеком определенных поведенческих моделей. Институты социального поведения возникают в обществе для осуществления определенных общественных интересов, представляющих собой множественность личных интересов отдельных индивидов. По мнению автора, общественные отношения являются формой реализации общественных интересов, их динамическим выражением [12, с. 39–41]. Поэтому объектом преступления Н. И. Коржанский признавал обеспеченную социалистическим обществом субъектам общественных отношений возможность соответствующего интересам общества поведения его членов, групп, классов или их состояние [12, с. 43].

Схожую теорию выдвинул и В. Я. Таций. Несмотря на его убежденность в позиции, что объектом преступления являются общественные отношения, интерес в его понимании – это результат «работы» общественных отношений, являющийся самостоятельным, не включенным в структуру общественных отношений явлением, комплексно с ними связанный. Ввиду этого ученый признал возможность провозглашения интересов как объектов преступления при условии учета скрытых за данными интересами общественных отношений [13, с. 77]. Эту мысль в дальнейшем развил

современный исследователь В. Н. Винокуров, указывающий, что сферы отношений и характер интересов различаются. Однако многие отношения скрыты от непосредственного восприятия, что порождает необходимость устанавливать сущность правоохраняемых социальных интересов [14, с. 39–40]. И действительно, анализ глав действующего уголовного законодательства показывает возможность через использование категории «интерес» охватить максимально полный спектр отношений в конкретной сфере существования социума (например, глава 23 или 30 действующего УК РФ охраняют интересы службы, а глава 31 обеспечивает уголовно-правовую охрану интересов правосудия).

Однако в ряде случаев авторы выражали критическое отношение к теории «объект преступления – интерес». Так, В. К. Глистин в своем монографическом труде уделил особое внимание учению об интересе в уголовном праве. Несмотря на то обстоятельство, что учение об интересе имеет перспективу развития, по мнению указанного автора, признание интереса объектом преступления – шаг преждевременный. Ученый пишет: «Интерес нарушается лишь через разрушение охраняемого общественного отношения ... механизм причинения вреда всегда связан с воздействием преступника на какие-либо элементы общественного отношения – на субъект, на его деятельность или предмет отношения» [11, с. 82, 84]. В отличие от общественного отношения, которое является конкретным применительно к каждому составу преступлений, объем интересов, которым причиняется вред, значителен и зачастую индифферентен для уголовного права (так, ранее упомянутый пример с убийством наносит вред интересам семьи и государства, но для квалификации, по мнению В. К. Глистина, это никакого значения иметь не будет). Вместе с тем данное суждение основывается на материализации общественных отношений, хотя ранее автор в работе пишет, что общественные отношения как определенная совокупность социальных связей обычно неуязвимы для преступного воздействия. Ученый констатирует, что фактически ему не известны случаи разрыва общественных отношений путем преступного посягательства [11, с. 30]. Таким образом, общественные отношения, равно как и интерес, представляют собой мыслительную абстракцию, а не явление материального мира, соответственно, говорить можно лишь о причинении вреда общественным отношениям, а не об их разрушении.

В современной уголовно-правовой науке исследование категории «интерес» в контексте изучения объекта преступления продолжается.

В диссертационном исследовании О. А. Мотин высказал следующую позицию: интерес в уголовном праве – это охраняемое уголовным правом правовое благо физического или юридического лица, а равно общества

или государства, объективно выражающееся в беспрепятственном их участии во всем многообразии социальных связей без нарушения соответствующих правовых благ иных субъектов общественной жизни [15, с. 15–16]. На наш взгляд, не совсем ясна взаимосвязь блага и участия субъекта в многообразии указанных связей: благо представляет собой явление материального или нематериального мира и не может выражать способность лица участвовать в общественных отношениях без посягательств на правовые блага других лиц.

Поддерживает теорию «объект преступления – интерес» и В. И. Плохова. В частности, автор выделяет три аргумента в поддержку данной теории:

1. Взаимосвязь интереса и мотивации правовой деятельности позволяет понять цель преступного поведения, что позволяет использовать данные знания как при криминализации деяний, так и в правоприменительной практике.

2. Интерес имеет прямую связь с потребностями участников общественного отношения, регулируемого уголовным правом. Уяснение интереса позволяет правильно и четко закрепить их в уголовном законе при определении его целеполагания, а также условий привлечения к уголовной ответственности.

3. Заострение внимание на свойственных интересу формах опосредования в праве – правах человека, законных интересах, субъективных правах – способствует более интенсивному исследованию этих категорий в уголовном праве и содержанию регулятивных и охранительных уголовно-правовых отношений [16, с. 216].

В современных реалиях классические представления о многих правовых явлениях проходят этап трансформации. Все чаще исследователи обращаются к философским основаниям науки. Развитие герменевтического дискурса позволило С. А. Бочкареву указать, что уголовный закон – это не только и не столько карательный инструмент государственной власти, сколько средство паритетного общения власти и общества. Благодаря данному средству происходит сдерживание и урегулирование притязаний как населения, так и государевых подданных. В качестве примера ученый указал на обеспечение баланса интересов личности, общества и государства в отношениях собственности посредством дифференциации уголовной ответственности через призму ограничений как прав личности на свою собственность через институт налоговых преступлений, так и права государства на имущество личности (ст. 285, 285.1, 286 УК РФ) [17, с. 349–350].

Анализ работ ключевых исследователей проблематики объекта преступления на протяжении полутора веков показал, что концепция «объект преступления – общественные отношения» была тесно сопряжена с уче-

нием об интересе. Большинство ученых признавало, что в основе общественных отношений лежит интерес, на который и посягает субъект, тогда как общественные отношения есть внешняя форма реализации интересов субъектов отдельных общественных отношений.

Поэтому затруднительно согласиться с Ю. Е. Пудовочкиным, утверждающим, что «имеющаяся дискуссия... отражает стремление представителей теории интереса дистанцироваться от советской школы уголовного права» [18, с. 44]. Напротив, взаимосвязь понятий «интерес» и «общественные отношения» в трудах ученых – представителей уголовно-правовой науки различных исторических эпох – показывает необходимость дальнейшего развития теории интереса в современной уголовно-правовой науке для уяснения баланса интересов в процессе охраны личности, общества и государства от преступных посягательств.

Ссылки

1. Козаченко И. Я. Учение об объекте преступления: национально-исторический аспект // Объект преступления и уголовно правовой охраны: историко-правовой, аксиологический, методологический и формально-юридический аспекты: материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 03 марта 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. С. 4–11.

2. Бочкарев С. А. Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2, № 3. С. 125–132. EDN: VPMXGH

3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 ч. М.: Юрайт, 2024. Ч. 1. 414 с.

4. Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям / [Соч.] доц. С.-Петербур. ун-та и адъюнкт-проф. Воен.-юр. акад. магистра Н. Д. Сергеевского. Санкт-Петербург, 1887. 434 с.

5. Советское уголовное право. Часть Общая: учебник / П. И. Гришаев [и др.]; под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, П. С. Ромашкина. М.: Госюриздат, 1962. 448 с.

6. Советское уголовное право. Часть Общая: учебное пособие / Н. А. Бусырев [и др.]; под ред. М. И. Ковалева, Е. А. Фролова, Р. Р. Галиакбарова; отв. за вып. В. М. Семенов. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1972. 328 с.

7. Никифоров Б. С. Избранное / сост. канд. юрид. наук А. А. Гравина. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 224 с.

8. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1969. Вып. 10. С. 184–225.

9. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 200 с. EDN QZRGJB
10. Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата: Казахстан, 1973. 160 с.
11. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 127 с.
12. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. 248 с.
13. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Вища школа, 1988. 198 с.
14. Винокуров В. Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 368 с.
15. Мотин О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 31 с. EDN NIBEJJ
16. Плохова В. И. О целесообразности рассмотрения интереса, блага (правового блага), субъективного права в качестве объекта преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 212-216. EDN HROWDB
17. Бочкарев С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 424 с.
18. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М., 2009. 248 с. EDN QRIUVH